

Л. Б. Кацюба

Актуализация духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры в русских паремиях

Статья посвящена исследованию духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры на материале русских паремий. Проведен дефиниционный анализ лексемы вера, выявлены вербализованные концепты «Вера», «Бог». В ходе наблюдения за развитием концепта «Вера» описаны разные константные составляющие: душа, молитва, судьба, грех, надежда, любовь, смерть и др. и их функционирование в русских паремиях. Отмечено, что пересечение концептуальных парадигм внутри концепта «Вера» делает его объемнее и многослойнее, обогащая широким спектром духовной проблематики.

Ключевые слова: концепт «Вера», русские паремии, религиозный аспект веры, духовно-нравственный потенциал веры, лингвокультурология.

Для цитирования: Кацюба Л. Б. Актуализация духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры в русских паремиях // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 109–125. DOI 10.35231/25419803_2023_1_109

Вера как особая культурно-историческая и нравственно-философская категория является значимой составляющей менталитета русского народа. Вера в Бога включает в себя не только и не столько строгую узко религиозную парадигму существования человека в этом мире, но и повседневное напоминание о нравственных основах жизни, стремлении к высоким проявлениям человеческой души, о воспитании в себе лучших качеств, о добром отношении к ближнему и служении ему. Это напоминание звучит «как нравственный мотив» звуком иного порядка, как «звон

колокола, раздавшийся среди рыночной суматохи» [10, с. 323], и человек, оставляя свою «хозяйственную мелочность», изнутри озаряется тёплым светом религиозного чувства. Глубокое осознание веры с этой точки зрения направлено на «перенесение догматического её содержания в разряд духовно-нравственных и культурно-созидательных реалий» [13, с. 3].

Исследуя семантическое наполнение лексемы *вера* в рамках наблюдения за реализацией идеи веры в Бога в русских паремиях, первоначально мы попытались «реконструировать ту сущность, которая в узусе стоит за словом *вера*» [7, с. 34].

Согласно лексикографическому описанию, *вера* представлена в двух основных значениях: нерелигиозном – в современных источниках оно выделено под номером один как «твёрдая убеждённость, уверенность в чём-либо, в исполнении чего-либо» [1, с. 577] – и религиозном, напрямую связанном с вероисповеданием. В религиозном смысле *вера* выражает «состояние сознания, связанное с убеждёностью в существовании Бога, высших божественных сил» [1, с. 577]. Значения и смыслы, вербализованные лексемой *вера*, объёмно представлены в словаре В. И. Даля. В самом начале статьи «Вера» за словом закреплено «двуплановое» значение: «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чём-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных» [6, с. 331]. На наш взгляд, такая репрезентация веры, включающая более широкий, нежели в современных источниках, план содержания, позволяет составить представление о современной Далю воспроизводимости данной лексической единицы и её употреблении в речи как некой универсалии культуры с гносеологическими, аксиологическими и религиозными подтекстами. Фактически веру в таком употреблении можно отнести к общечеловеческим ценностям особого, высшего порядка, феномен которой центрирует вокруг себя философскую проблематику в гносеологическом и общеантропологическом планах (подробнее о философском аспекте веры см.: [12, с. 112]).

Материалы и методы

Следующие значения, представленные в словаре Даля, отражают религиозный аспект веры, на который мы будем

опираться в нашем исследовании: «верование, отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; II совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство» [6, с. 331]. Добавим, что последующие значения лексемы *вера*, согласно словарю В. И. Даля, возвращаются к нерелигиозной семантике слова *вера* и коррелируются с первым значением в современных лексикографических источниках [19, с. 149; 15, с. 577]. Думается, что сравнение семантических особенностей веры как единицы языка, отраженных в словарях разных лет и эпох, уже в первом приближении может дать представление о динамических свойствах узуса лексемы *вера* в подтверждение тезиса о релевантности для узуса социально-временного фактора.

Дефиниционный анализ лексемы *вера* в религиозном аспекте позволил выделить частотные лексемы *вера* и *Бог*, выражающие «идеи русской культуры («концепты»», по Ю. С. Степанову [19, с. 4], одновременно являющиеся вербальными репрезентантами концептов русской культуры – *Вера* и *Бог*. В структуре далевской статьи [6, с. 331–333] ядерно-периферийные семы *веры* раскрываются на основе семантических (преимущественно синонимических и антонимических) отношений: *твёрдое понятие, верование / отсутствие сомнений* и деривационных процессов, которые не только полно иллюстрируют словообразовательные потенции лексемы *вера*: *вера* – *уверенность* – *веровать* – *верить* / *поверить* – *верую* – *верный* – *верующий* – *вероотступник (-ница)* – *вероподобие* – *веропророк (-ница)* – *веротерпимость* и др., но и открывают дополнительные возможности для концептуального анализа «Веры» – словообразовательный ряд в данном случае может использоваться в реконструкции и анализе семиотического ряда (по Ю. С. Степанову).

Кроме того, отметим, что сема духовности, закрепленная вербально: «убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, <...> духовных», «совокупность учения, принятого народом, <...> закон (Божий, <...> духовный), <...> духовное братство», неизменно

присутствует в идеографическом описании веры. Через призму пересечения и сплетения сем слова *вера* по пути от значения к смыслу мы предприняли попытку исследовать духовно-нравственный потенциал «подлинно духовного концепта «Веры» [19, с. 405] на материале русских паремий.

Результаты

Важные вехи становления русской жизни на пути обретения веры отразились и закрепились в устной фольклорной традиции, в частности, в паремиях, которые мы, вслед за М. Л. Ковшовой, рассматриваем в лингвокультурологическом ключе как языковые средства, «овнешняющие внутренние элементы сознания, в том числе его аксиологическую часть, где осуществляется формирование и хранение ценностного, духовного и идейно-нравственного содержания, значимого для развития мировоззрения» [11, с. 79].

Реализованный в паремиях концепт «Вера» в аспекте актуализации духовно-нравственного начала рассмотрен как духовная константа, апеллирующая к доверию к Богу, надежде на него и любви к нему, постулирующая отсутствие всякого сомнения (или колебания) в существовании и бытии Бога.

Осознание того, что Бог – высшая сила, активно участвующая в жизни обычного человека, имеет глубокие корни, которые закреплены этимологически. Старославянскому *богъ* и его эквивалентам из языков славянской группы (украинскому, болгарскому, сербскому, хорватскому, словенскому, польскому и др.) родственны древнеиндийские, древнеперсидские, авестийские, греческие номинации Бога со значениями «одаряющий», «господин», «наделяет, делит», «наделяющий», «достояние, счастье» и др. [24, с. 181–182].

Семантическую целостность центральное понятие православной веры Бог проявило в выражении синонимических отношений. Будучи лексемой-доминантой, оно демонстрирует высокие синонимические возможности – *Творец*, *Создатель*, *Верховное существо*, *Царь небесный*, *Вседержитель*, *Предвечный* и др. (всего около 18 единиц), при этом важно отметить исключительную степень однородности в выражении адекватности значения всех синонимов в этом понятийном, идеографическом, ряду (за исключением одной

единицы «'боженька' с пометой 'ласковое' или 'ироничное'» [1, с. 45; 8, с. 103]). (Об особенностях номинации Бога в паремиях и языковой репрезентации концепта «Бог» см.: [9, с. 52–53; 15, с. 333]).

Доверительное отношение к Богу в паремиях обусловлено восприятием его как всесильного, милосердного и справедливого существа, близкого человеку, способного обогатить, защитить, помочь, спасти, вступить за обиженного и наказать обидчика за провинность и т.п.: *У Бога милости много; Милостив бог, а я, по его милости, не убог; У Бога всего много; Бог полюбит, так не погубит; У Бога все возможно; Бог не дремлет – все слышит; Дай Бог нашему Богу жить – все живы будем; С Богом не поспоришь; Обидчика Бог судит* (здесь и далее паремии представлены с соблюдением орфографии и пунктуации текстов, публикуемых в сборниках пословиц под редакцией В. И. Даля, В. П. Аникина, Ю. Г. Круглова, А. Н. Мартыновой). Доверительность в отношениях с Богом может быть обусловлена и противоположным чувством – разочарованием в людях: *Ни отец до детей, как Бог до людей; Всяк про себя, а Господь про всех; Кабы не бог, кто бы нам помог?; Бог не как свой брат, скорее поможет; Бог кормилец, не как мужик возгривец; У бога выслужись, у людей никогда.*

Видение Бога, наделённого «земными» качествами людей, приближает человека к Богу, располагает доверять, верить ему и надеяться на его реальную помощь. С таким близким человеку Богом можно «договориться», о чём в раскрытии концепта «Веры» упоминал вслед за Э. Бенвенистом Ю. С. Степанов: «внушение доверия» есть причина (каузация) действия «доверяться» и возникающего из него состояния «доверия», «ожидания исполнения обещанного», «надежды» [19, с. 403]. Такая жизненная ситуация оказывается ситуацией «договора, соглашения», конечно, «между неравными сторонами <...>, одна из которых может требовать повинования от другой, но взамен обязуется исполнить обещаемое. Именно эти отношения лежат в основе обращения человека к богу и надежды, упования на него» [19, с. 403–404].

Важные для понятия веры соединенные в нём этимологические отголоски сем глаголов *ждать*, *надеяться* и *принуждать* (*требовать повинования*), в паремиях нашли не только

лексическое, но и грамматическое выражение. Глагольные лексемы в сочетании с субъектом Бог в большинстве употреблений имеют форму будущего простого времени, особенно продуктивен в этой форме глагол *дать*: *Бог даст и в окошко подаст*; *Бог даст роток, так даст и кусок*; *Бог отымет, бог и даст*; *Бог даст совет, так и в пост мясоед*; *Бог не даст – нигде не возьмёшь*; *Бог и рога прикуёт, так будешь носить*; *Бог накажет – никто не укажет*. Семы принуждения и надежды выражены в форме повелительного наклонения в глаголах, обращённых к верующему: *проси, кайся, не унывай, уповай, молись, берегись, надейся, плачься, постись* и др. В данных фактах вера русского человека в Бога обусловлена испытываемым чувством полного доверия и подчинения, повиновения божьей воле в ожидании исполнения желаний и чаяний, в надежде на лучшее будущее: *С верой нигде не пропадешь*; *Вера спасает*; *Вера животворит*; *Вера и гору с места сдвинет*.

Вера как твёрдое осознание духовных истин нашла приложение к практической повседневной жизни русского человека. Через обращение к божественным силам с просьбой, реже (в паремиях) – с благодарностью, выраженной в неотделимой от веры молитве, проявляется доверие к Богу, упование на него и его скорую помощь: *Что бы ни пришло – всё молись!*; *Дело не спорится – углам помолиться*; *Без молитвы не будет ловитвы*. Существующее в православном профессиональном дискурсе выражение «молитвенное делание» и описание в специальной литературе важности этого действия для людей, сопричастных духовному богатству православной веры, подчёркивает активность позиции веры при вхождении её в жизнь человека и улучшении его жизни.

Молитва как воплощение «непосредственного и личного предстояния перед Богом каждого верующего» [16, с. 323] включена в значения концепта «Веры», дополняя его отдельными подробно прописанными чертами в паремиях (сущность молитвы: *Молитва – полпути к богу (к спасению)*; *Одно спасенье – пост да молитва*; адресат молитвы: *Одно знай: господи, помилуй и отыми и подай!*; *Проси Ни колу, а он спасу скажет*; *Никола на море спасает, Никола мужику воз подымет*; *Молись иконе да будь в покое!*; свойства и назначение молитвы: *Коротка молитва «Отче наш»*

да спасает; Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы; место и время воспроизведения «молитвенного делания»: Молитва места не ищет; Утром Бог, и вечером Бог, а в полдень, да в полночь никто же, кроме него; Без бога ни до порога; С бога начинай и господом кончай!; образ этого действия: Как ни молись, бог всё услышит; Молись втайне, воздастся въяве!; Одно трости: господи прости; Всяк по-своему бога хвалит; Дай Бог – хорошо, а слава Богу! – лучше).

Зафиксированные в паремиях правила молитвенного обращения к Богу (к Пресвятой Богородице и святым угодникам) напоминают о необходимости искренних, истовых, откровенных постоянно совершаемых молитвословий, которые способствуют непрерывному «живому общению» души человека с Богом.

Определение души в общеупотребительном значении представлено в толковых словарях в психологическом аспекте, упоминаящем о свойствах личности: «внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.д.» [17 с. 533; 19, с. 456]. В философии в религиозном контексте душа трактуется как нематериальная субстанция, «данная Богом бессмертная, духовная, бестелесная и независимая от тела сущность (природа) человека, его «двойник», активное начало, которое, находясь в теле, определяет индивидуальные способности и личность человека, оживляет («одушевляет») его» [12, с. 228]: Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа; Душа душу знает; Душа с душой беседует.

В религиозном понимании душа представляет собой «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» [6, с. 504]. Приведённые в далевском словаре в общем значении характеристики души «человек с духом и телом», а также «душевные качества, совесть», по нашему мнению, коррелируют в большей степени с религиозно-философским, духовным, нравственным пониманием предмета обсуждения, нежели со светским. Проводя в этой плоскости параллели с Богом, который есть тоже существо, но Верховное, отметим, что наличие души в человеке – это самое главное в нём, то, что определяет его создание и самую жизнь «по образу и подобию Божиему»: Душа с Богом беседует. За-

ключённая в тело от рождения до смерти в земной жизни душа – это и есть сама жизнь человека, но духовная: Душа всего дороже; Жив Бог – жива душа моя; Душа заветное дело.

В душе, её состоянии – покое и радости (или, напротив, беспокойстве, тревоге), содержании её в чистоте заключён смысл жизни верующего человека. Многочисленные фразеологические единицы разных семантико-грамматических классов с лексемой душа, отражённые в словарях [8; 22, с. 997], описывают состояния и проявления этой сущности: в нём много души, сильная/слабая душа, заблудшая душа, жить душа в душу, рад душой, от (всей) души, душа на месте/не на месте, легко/тяжело на душе, это на твоей душе (совести) (в знач. ‘ты виноват’), душа не лежит, душа не принимает (упрёки совести), душа замирает, на душе мутит, с души воротит (с души тянет, с души прёт), души не чаять (души не слышать), без души от кого (устар.; то же, что без ума от кого, в знач. ‘безумно любить’), лезть в душу и др. (о семантическом развитии и фразеобразовательных возможностях лексики душа см.: [23, с. 95]).

«Движение» души как проживание, совершение, «делание» своей жизни, выраженное в процессуальных фразеологизмах, может определить вектор жизненного пути, положительный или отрицательный: отпустить душу на покаяние (устар.; в знач. ‘дать спокойно жить кому или самому’), отвести на чём душу (отдохнуть), искать чужой души (устар.; в знач. ‘хотеть погубить ближнего’), взять грех на душу (совершить преступное деяние), кривить /покривить душой (поступить против совести), не пожалеть своей души (погубить себя), вертеть душой (устар.; в знач. ‘отолгаться, отделаться ложью’), отдать/продать/заложить душу черту (дьяволу) (т.е. заниматься греховным, неугодным Богу делом) и др. В приводимых ниже паремиологических фактах безнравственные, бездуховные поступки ассоциируются с низменными инстинктами, с чем-то приземлённым, физиологическим, когда душа «опускается» на уровень желудка: Не ела душа чесноку – не будет и вонять; У него такой желудок, что все переварит; Грешное тело и душу svelo.

Заметим, что в семантическом поле многих единиц с лексемой душа употреблены (эксплицитно или имплицитно)

лексемы *грех*, *стыд* и *совесть*, которые «входят в группу социо-оценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с Другим (другими, социумом)» [3, с. 54]. «Совесть, как таковая, не есть ни чувство, ни состояние. Это автономный компонент внутреннего человека. <...> Стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность» [3, с. 58]. Называя совесть «контрагентом Эго (Другим)», Н. Д. Арутюнова подчёркивает, что совесть «не сливается с Эго», она – «судья», «судебный исполнитель», который «осуждает и наказывает» человека заслушание, за нарушение духовно-нравственных законов – значит, Божьих, законов совести и правды, за грехи, которые являют собой вину перед Богом: *Грехи любезны доводят до бездны; Всякая неправда грех; Быть так: приму грех на душу, а уж сделаю то и то; Грех не беда, да слава нехороша*. Именно совесть учит человека поступкам, а поступки, противные Божьему закону, должны быть осуждены и наказаны: *Чья душа во грехе, та и в ответе; Кто во грехе, тот и в ответе; Грешному путь вначале широк, да после тесен; Не бойся кнута, а бойся греха; Мал грех, да большую вину несёт; За грех и кожа под застрех; По грехам и житьё*.

Осознание своей греховности – *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил; Правда свята, а мы люди грешные; Один бог без греха – и важности праведной жизни для её (греховности) искоренения, стремление к покаянию, к укреплению веры и обретение надежды на милость Божью – Умный грешит, умный и кается; Без веры господь не избавит, без правды господь не исправит; Кто сознался, тот покается; кто покается, тот греха удаляется; Умей грешить, умей и каяться; Не по грехам нашим Господь милостив!* – многотрудный земной путь человеческой души.

Антропоморфизация души (а также совести, которую, согласно Н. Д. Арутюновой, человек склонен персонифицировать), отражённая в поговорках и фразеологизмах, зиждется, очевидно, ещё на библейской традиции. В 4-м и 5-м стихах Второго послания к коринфянам читаем о внешнем и внутреннем нашем человеке, о важности и бессмертности души, бренности и смертности тела: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. <...> ибо

видимое временно, а невидимое вечно. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится (тело – Л. К.), мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный (душу – Л. К.). <...> На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа» (2 Кор. 4: 16–18). Душа – «наш внутренний человек», наш «двойник» – дана нам как залог нашей праведной земной жизни. Мольбой и скрытым призывом звучит библейское: «только бы нам и одетым не оказаться нагими» (2 Кор. 5:3). Действительно, имея душу от рождения как дар Божий, человек стремился «не потерять» её в пути, т.е. не потерять себя: не запятнать совесть, не потерять честь несмотря на жизненные трудности. Паремии, как и фразеологизмы, тонко и точно подмечали, когда душа погибала: *Человека видим, а души в нём не видим; Как нет души, так что хошь пиши!; Одна душа, и та не хороша!; Грешное тело и душу съело; Мастеровой не худ, да в душе плут; Душа христианска, да совесть цыганска!; В сватовстве спрашивают не о душе, а о душах (т.е. о богатстве).*

Душа, «одарённая разумом и волею», в своих «движениях», в шагах, в поступках – хороших или плохих, добрых или злых, праведных или неправедных, опираясь на совесть и, по сути, совестью являясь, может приблизить человека к Богу или отдалить от него. Стремление души к спасению – единственное главное стремление верующего человека на земле, поскольку, как говорит Священное Писание, «всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5:10).

Аксиологическая формула «Вера – Надежда – Любовь», вплетённая в семантическую ткань концепта «Веры», имеет философское и лингвокультурологическое обоснование. Тем ярче на этом фоне, озарённом светом духовной созидательности или стремлением к ней, проявляются пересечения концептов «Веры» и «Беды, внешнего принуждения» (по Ю. С. Степанову [19, с. 405]). Особенно это касается фактов, связанных с описанием Бога как сверхъестественной силы и судьбы (напомним, что в этимологию лексемы *бог* включены также корни со значением «доля, участь» [24, с. 182]): *Всякая судьба сбудется; Всякому своя судьба; От беды*

не уйти; От судьбы не уйдёшь; От Бога не уйдёшь; Чему быть, того не миновать; Где беде быть, там её не миновать; Бойся не бойся, а от участи своей не уйдёшь. В представленных паремиях слышны отголоски «извне нагрянувшего несчастья», беды, притеснения, и даже обиды на свою судьбу, «корень» которых «оставил яркий трассирующий след, позволяющий реконструировать модель концепта «Веры» [19, с. 405]: Знать, по судьбе нашей бороной прошлись; Таков наш рок, что вилами в бок; Кому ничего, а нам хуже того; Горькому Кузьеньке горькая и песенка поётся; По бедному Захару всякая щепа бьёт; Обиженная краюшка всегда на столе (т.е. всегда последняя).

Активная сила судьбы, её «воздействие на ход событий» – это «власть, которой приходится подчиниться», «то, что управляет жизнью человека и вносит коррективы в его планы и действия» [4, с. 618], – способствовали её персонификации. Любопытно, что по древней мифологической традиции судьба отождествлялась с пряхой [13, с. 26–27]. В паремиях это выражено лексически и грамматически, например, в глаголах семантической группы 1) созидательной деятельности: *прясть* в значении «изготавливать нити, скручивая волокна из определенного материала <...>, подготавливая, таким образом, материал для дальнейшего использования» [20, с. 277]; 2) активного воздействия на объект: *вязать, связать (связывать)* в значении «подвергать кого-либо ограничению, лишению свободы движений, стягивая конечности веревкой» [20, с. 223]: Где ведётся (т.е. судьба милостива), там и на щепу прядётся; Судьба придёт – по рукам свяжет; Судьба руки свяжет; Судьба придёт, ноги сведёт, а руки свяжет; Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая!

Дополнение духовного концепта «Веры» семантическими компонентами беды, страдания, обиды, по нашему мнению, обогащает его содержание, наполняя новым смыслом: таинственным и мистическим – как свидетельство необъяснимого и неотвратимого присутствия высших сил в жизни человека; угрожающим извне, вызывающим страх, боль, обиду, стыд и, наконец, покаяние – как предостережение на будущее и напоминание о расплате за грехи и горьком раскаянии, которое, часто, приходит лишь в зрелости или в конце жизни: В чем молод похвалится, в том стар покается.

В продолжение мысли о соединении в вере идей надежды и трагизма, беды и любви, страдания и радости приведём рассуждения В. В. Розанова о сознательном обращении к вере людей зрелых. По словам философа, русская вера приходит и крепнет с возрастом, когда больной, немолодой уже человек, часто одинокий, находит в храме успокоение и любовь: «храм принимает его как друга, как родного, принимает с бесконечной нежностью, заботою, всепрощением за прошлую неправильную жизнь. <...> Самое существо «веры русской» <...> не молодо <...>. Всё жизненное, живучее, крепкое земле, преданное труду, надеющееся на людей и их свойства человеческие» в русской вере оставлено. «Вся религия русская – по ту сторону гроба», а русский человек «становится прекраснее в болезнях, в страданиях, в испытаниях. И особенно – прямо перед гробом» (цит. по: [19, с. 416–417]).

В паремиях тема предсмертного пути и «жизни» после смерти содержит скрытые или явные предупреждения, важные наставления и наказания в соответствии со своим значением: *Бойся бога: смерть у порога; Смерть по грехам страшна; Каково житьё, таково и смерть; Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти; Каково житьё, таково и на том свете вытьё; Не умел жить, так хоть сумей умереть!; Дай бог умереть, да дай бог и покаяться!; Смерть без покаяния – собачья смерть; Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь; Проси творца, чтоб не лишил доброго конца!*

Жизнь человеческая, начинаясь с Божьего промысла, стремится к Божьей праведной кончине. Получив жизнь как дар Божий (вспомним библейское «... и создал нас Бог и дал нам залог Духа» (2 Кор. 5:5)), русский человек зачастую поздно, но вспоминает о долге. Проведя всю жизнь неправильно и несправедливо, иногда бездуховно, в заботах о себе, о хлебе насущном, т.е. о земном, о людском, свой уход он посвящает Господу. И если этот уход, последний путь выстрадан, подкреплён верой и покаянием, очищением, отречением от земной суеты, от земных благ, то смерть физическая человеку – его душе – не страшна: *Невинная душа не пристрашна к смерти; Смерть – душе простор; В небо приходящему отказу не бывает; Сила Господня в немощах совершается; На этом свете помучимся, на том порадуемся.*

Отметим, что разные константные составляющие, раскрывающие «Веру»: душа, молитва, судьба, грех, совесть, стыд, надежда, любовь, смерть и др., – являются одновременно элементами концепта «Вера» и самостоятельными концептами. Пересечение концептуальных парадигм внутри концепта «Веры» потенциально масштабирует его, обогащая широким спектром духовной проблематики.

Проанализированный материал и представленные факты коррелируют с высказыванием Т. Б. Радбиля о вере как «базовом способе совокупной духовной (мыслительной, эмоциональной, интенциональной, волитивной, религиозной, этической), ценностной и поведенческой активности этноса». Согласимся также с его резюме о вере как «всеохватном концепте»: «на дне любого духовно значимого для человека действия или состояния, реакции или интеракции (если копнуть поглубже) – мы обнаруживаем ВЕРУ» [14, с. 33–34].

Обсуждение и выводы

Таким образом, реализованный в паремиях концепт «Вера» в аспекте актуализации духовно-нравственного начала рассмотрен как структурно сложная духовная константа, апеллирующая к Богу, к полаганию на него, постулирующая отсутствие всякого сомнения в существовании Бога. Через призму русских паремий можно проследить доверительное отношение русского человека к Богу, молитвенное обращение к нему, Божьей Матери и святым угодникам. Взаимодействие верующего человека с Богом реализуется через «движение» души как проживание, «делание» своей жизни. При этом вектор жизненного пути, не всегда положительный, актуализирует «компоненты внутреннего человека» – стыд и совесть, которые «охраняют» социальность и духовно-нравственную сущность человека, помогая бороться с грехом. Рассматриваемый на материале паремий концепт «Вера» также включает семантические компоненты беды, страдания, обиды, делая его более объёмным и многослойным.

Вера в религиозном аспекте представляет собой многогранную культурно-историческую, психологическую и нравственно-воспитательную категорию, которая во многом положила начало формированию духовной парадигмы рус-

ского человека. Являясь средством связи человека с Богом, нравственным ориентиром и щитом, вера учит русского человека проявлять не только доверие к Богу, но и чувства любви и сострадания к ближнему, совершать добрые дела, учит терпению и смирению. Определяемая как ментальная категория – состояние сознания, осознание и осмысление предметов высшего порядка – она ведёт человека по пути переосмысления своей жизни, убеждений, поступков.

В паремиях, как и вне паремий, имя веры «есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несёт в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия)» [21, с. 109]. Русские паремии полно отражают духовно-нравственный потенциал религиозного аспекта веры, «слой за слоем» открывают лексико-семантические и историко-культурные грани развития неисчерпаемого концепта «Вера».

Список литературы

1. Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – Т. 1.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.
3. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С 54–79.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994. – 1371 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.
7. Демьянков В. З. Обыденные концепты и научные понятия // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация / Науч. ред. В. З. Демьянков. – М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 34–37.
8. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
9. Кацюба Л. Б. Отражение религиозности русского человека по данным словаря В. И. Даля // Проблемы истории, филологии, культуры. Серия Филология. – 2009. – № 2 (24). – С. 51–55.
10. Ключевский В. О. Православие в России. – М.: Мысль, 2000. – 621 с.
11. Ковшова М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 79–84.
12. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
13. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках / Исследование и материалы О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. – М.: Наука, 2002. – 469 с.
14. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. – М.: Гнозис, 2018. – С. 23–35.

15. Селиверстова Е. И. Человек предполагает, а судьба определяет: о возможностях осмысления компонента БОГ // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы Международной научной конф. – Омск: С-Принт, 2015. – С. 333–337.

16. Склярская Г. Н. Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. – СПб.: Контраст, 2016. – 684 с.

17. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1991–1993.

18. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.

19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

20. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

21. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.; Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И. В.), 2011. 252 с.

22. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1.

23. Чепасова А. М. Семантическое развитие и фразообразовательные возможности лексемы ДУША // FRAZEOLOGIA A RELIGIA / Tezy referatów międzynarodowej sympozjum naukowego. – Opole, 1996. – С. 94–95.

24. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. М. Фасмера. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – Т. 1.

Larisa B. Katsyuba

Actualization of Spiritual and Moral Potential Religious Aspect of Faith in Russian Proverbs

The article is devoted to the study of spiritual and moral potential of the religious aspect of faith on the basis of Russian proverbs. The definitional analysis of the lexeme "faith" is carried out, the verbalized concepts of "Faith", "God" are revealed. In the course of observing the development of the concept of "Faith" various constant components such as soul, prayer, fate, sin, hope, love, death, etc., are described and their functioning in Russian proverbs is examined. It is noted that the intersection of conceptual paradigms within the concept of "Faith" makes it more voluminous and multi-layered, enriching it with a wide range of spiritual issues.

Key words: concept of "Faith", Russian proverbs, religious aspect of faith, spiritual and moral potential of faith, linguoculturology.

For citation: Katsyuba, L. B. (2023) Aktualizaciya duhovno-nravstvennogo potencijala religioznogo aspekta very v russkih paremiyah [Actualization of Spiritual and Moral Potential Religious Aspect of Faith in Russian Proverbs]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 109–125. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_109

References

1. Krysin, L. P. (2016) (ed.) *Akademicheskij tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK Publ, Vol. 1. (In Russian).
2. Aleksandrova, Z. E. (1986) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod red. L. A. Cheshko* [Dictionary of synonyms of the Russian language. Ed. L. A. Cheshko]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
3. Arutyunova, N. D. (2000) O styde i sovesti [About shame and conscience] *Logicheskij analiz yazyka: YAzyki etiki. Otv. red. N. D. Arutyunova, T. E. YAnko, N. K. Ryabceva* [Logical analysis of language: Languages of ethics. Resp. ed. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. Pp. 54–79. (In Russian).
4. Arutyunova, N. D. (1999) *YAzyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).
5. Bibliya. *Knigi Sv'yashchennogo Pisanija Vethogo i Novogo zaveta* (1994) [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr pravoslavnoj literatury Publ. (In Russian).
6. Dal', V. I. (1994) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols.]. Moscow: TERRA Publ. (In Russian).
7. Dem'yanov, V. Z. (2015) *Obydennye koncepty i nauchnye ponyatiya* [Ordinary concepts and scientific concepts] *YAzyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikaciya. Nauch. red. V. Z. Dem'yanov* [Language. Culture. Translation. Communication. Scientific ed. V. Z. Dem'yanov]. Moscow: TEZAURUS Publ. Pp. 34–37. (In Russian).
8. Dubrovina, K. N. (2010) *Enciklopedicheskij slovar' biblejskih frazeologizmov* [Encyclopedic dictionary of biblical phraseological units]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).
9. Kacyuba, L. B. (2009) *Otazhenie religioznosti russkogo cheloveka po dannym slovarja V. I. Dalja* [Reflection of the religiosity of a Russian person according to the dictionary of V. I. Dahl] *Problemy istorii, filologii, kul'tury. Seriya Filologiya – Problems of history, philology, culture. Series Philology. № 2 (24)*. Pp. 51–55. (In Russian).
10. Klyuchevskij, V. O. (2000) *Pravoslavie v Rossii* [Orthodoxy in Russia]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).
11. Kovshova, M. L. (2013) *Ocnocnost' idiom i naivnaya etika paremij: lingvokul'turologicheskij aspekt issledovaniya* [The evaluation of idioms and the naive ethics of proverbs: linguoculturological aspect of research] *Filologiya i kul'tura – Philology and culture. № 3 (33)*. Pp. 79–84. (In Russian).
12. Gritsanov, A. A. (1998) (ed.) *Novejšij filosofskij slovar'*. [The latest philosophical dictionary]. Minsk: V. M. Skakun Publ. (In Russian).
13. *Pravoslavnaya vera i tradicii blagochestiya u russkih v XVIII–XX vekah* (2002) *Issledovanie i materialy O. V. Kirichenko, H. V. Poplavskaia* [Orthodox faith and traditions of piety among Russians in the XVIII–XX centuries. Research and materials O. V. Kirichenko, H. V. Poplavskaia]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
14. Radbil', T. B. (2018) *Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoj yazykovoj kartine mira* [Faith as the basis of worldview and worldview in the Russian language picture of the world] *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kul'turah* [Linguoculturological research. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]. Moscow: Gnozis Publ. Pp. 23–35. (In Russian).
15. Seliverstova, E. I. (2015) *Chelovek predpolagaet, a sud'ba opredelyaet: o vozmozhnostyah osmysleniya komponenta BOG* [A person suggests, and fate determines: about the possibilities of understanding the component God] *Ustojchivye frazy v paradigmatse nauki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konf.* [Sustainable phrases in the paradigms of science. Materials of the International Scientific Conference] Omsk: S-Print Publ. Pp. 333–337. (In Russian).
16. Sklyarevskaya, G. N. (2016) *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya: tolkovo-enciklopedicheskij slovar'* [Vocabulary of modern Russian Orthodoxy: Interpret and Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Kontrast Publ. (In Russian).

17. Gorbachevich, K. S. (1991–1993) (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 20 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 vols.]. Moscow: Rus. yazyk Publ. (In Russian).

18. Evgenieva, A. P. (1981–1984) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).

19. Stepanov, YU. S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ. (In Russian).

20. Babenko, L. G. (1999) (ed.) *Tolkovyj slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy.* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS Publ. (In Russian).

21. Ufimceva, N. V. (2011) *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow; Kaluga: Institut yazykoznanija RAN. (In Russian).

22. Fedorov, A. I. (1997) (ed.) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka v 2 t.* [The phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vols.]. Moscow: Citadel' Publ. Vol. 1. (In Russian).

23. CHepasova, A. M. (1996) *Semanticheskoe razvitie i frazeobrazovatel'nye vozmozhnosti leksemy DUSHA* [Semantic development and phrasing capabilities to the chipper to the lexeme DUSHA] *FRAZEOLOGIA A RELIGIA / Tezy referatow miedzynarodowej sympozjum naukowego* [Frazeologia and Religia. Tesides of the International Scientific Symposium]. Opole. Pp. 94–95. (In Russian).

24. Fasmer, M. (2003) (ed.) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow: Astrel'; AST. Vol. 1. (In Russian).

дата получения: 14.12.2022
дата принятия: 10.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 14 December 2022
date of acceptance: 10 January 2023
date of publication: 30 March 2023